

ГУРГЕН-ХАН И САЯТ-НОВА

И. К. ЕНИКОЛОПОВ

Сведения о жизни и творчестве Саят-Новы почерпнуты, в основном из его же песен, носящих порою автобиографический характер; по другим же можно только строить предположения на этот счет. Приобретает важное значение—в зависимости от того, как понимать — то место из Саят-Новы («Среди двух селений....»)¹, где говорится, что он числится за «Гурген-ханом», называл себя *уџа*, т. е. раб. Но понятно это условно; тогда даже мелкопоместные дворяне должны были числиться за кем-либо, не говоря уже о крепостных. Выяснить, кто этот «Гурген-хан» имеет важное значение для биографов Саят-Новы — отсюда станет ясным в какой среде он вращался, и если «хан» был просвещенным лицом, то немалая тогда доля, надо полагать, должна была передаться от него к Саят-Нова; так, например, случилось впоследствии, на примере отношения Ал. Чавчавадзе к своему крепостному Гр. Майсурадзе, окончившему академию художеств благодаря содействию своего покровителя.

Суждения исследователей Саят-Новы о «Гурген-хане», различны. По мнению проф. Г. Абова—автора книг о Саят-Нове (на русск.² и армянск. яз.), личность его «определить пока трудно»; заодно он высказывает предположение, что им может быть и полководец-армянин Григор Арутин, возглавивший борьбу индусов против английских колонизаторов в 1740—1760 гг. Но это предположение вряд ли правомерно. Арутинский получил известность к 60-м годам, когда лира Саят-Новы почти умолкла, к тому же возникает вопрос: от кого он мог получить столь высокий титул хана? Не от англичан же, хозяев Индии?

Еще менее правдоподобно мнение других исследователей Саят-Новы, начиная с Г. Леонидзе, будто Гурген-ханом надо считать грузинского царевича Георгия³, впоследствии, с 1798 г., бывшего царем Картли и Кахетии. Но этот царевич родившийся в 1740-х гг., в то время еще не мог носить такой высокий титул.

В 50-ые годы XVIII столетия уже пользовался известностью при Ираклии II как крупный государственный деятель мирза Гурген, называвший себя на разговорном языке тифлиских армян Гургиним. Личность этого Гургина связана была с многими крупными событиями на Востоке.

Большим событием в жизни Картли-Кахетинского царства в конце 1770-х годов было отправление в Стамбул чрезвычайных посольств, возглавляемых мирзой Гургиним Энаколопи Мамиконяном. Слишком уж неожиданными и неоправданными казались эти посольства после наметившейся уже дружбы Грузии с русскими, скрепленной кровью на поле брани с общим их врагом—султанской Турцией. Объяснялось это желанием Ираклия II, прежде чем искать протектората Российской империи, сплотить вокруг себя отколовшиеся провинции—Имеретию, Гурию, Мингрелию, а также Самцхе-Саагабаго, находившуюся к тому времени в зависимости от Турции. Все усилия посольства были направлены, в первую очередь, на это.

К тому времени мирза Гургин, видный дипломат и хороший знаток восточных языков, уже зарекомендовал себя завершением большого, государственной важности, поручения в Персии к ее правителю Векилу Керим-хану, который во главе своего

¹ Саят-Нова, Сборник армянск., грузинск. и азербайд. песен, Ереван, 1945, стр. 69.

² Там же, стр. 123.

³ Г. Леонидзе, Мгосани Саятнава, Тифл., 1930, стр. 10 (на грузинск. яз.).

многочисленного войска, уже собранного в Тавризе, намеревался двинуться на Грузию, чтоб принудить ее вновь признать господство персиян и расторгнуть налаженные отношения грузин с русскими. Закончившаяся тогда полным успехом его миссия, помимо всего, имела важные последствия: за все время продолжительного правления Керим-хана, отношения между Грузией и Персией оставались добрососедскими. В ознаменование достигнутого соглашения владетель Персии Керим-хан пожаловал его титулом хана. Посольства Мирза Гургина в Стамбуле, где он «был принят с большим почетом султаном, который уже переменял свое мнение о царе грузинском», — завершились удачно; «был заключен мир; султан удовлетворил и его ходатайство об освобождении пленных грузин»⁴, захваченных в результате русско-турецких войн, где грузины являлись союзниками русских.

Тогда же для подтверждения наладившихся отношений и за их развитие, турецкое правительство направило своего уполномоченного, однако из важных сановников, в Тбилиси. Известный мемуарист Ираклия II Яссе Бараташвили описывает первое возвращение в Грузию мирзы Гургина (в 1777 г.), когда Ираклий лично встретил своего доверенного и принял присланные с ним подарки от султана, так и второе (на следующий год), когда с вернувшимся мирзой следовал и представитель султана «с богатыми подношениями от султана — лошадь в богатом убранстве и накидкой «с плеч султана», — а также подарками от великого визиря и рейс-эфенди. Далее мемуарист описывает, какое сильное впечатление произвело это событие на граждан Тбилиси»⁵.

В Стамбуле мирзе Гургину преподнесли, зная его страсть к книгам, редкий рукописный список — собрание произведений классиков литературы Востока и изречения мудрецов с древнейших времен. Эта рукопись составила украшение и так уже достопримечательной его библиотеки, образовавшейся путем накопления ее целым поколением его предков, в большинстве своем ученых.

В этой библиотеке хранился и список поэмы Руставели. Уже одно имя Гургина, получившего в конце 1770-х годов высокое звание в государстве — мунши, что соответствует вице-канцлеру⁶, невольно говорит о ценности такой рукописи. (Сейчас эта рукопись, испытав многие превратности судьбы, подарена «от трудящихся Советской Армении братскому грузинскому народу в день 25-летия установления советской власти в Грузии». Хранится она в Институте рукописей Академии наук Грузии под № 930).

О личности Гургина говорит не только мемуарист Яссе Бараташвили, упоминается он и в хронике историка Омала Хархеулидзе, в «Истории Грузии» Броссе (на франц. яз.), у Д. Пурцеладзе в его «Крестьянских грамотах»⁷, в сообщении царевича Давида о Рейнегесе⁸ (которого Гургин пригласил в Грузию, встретившись с ним в Стамбуле), в фамильных документах имеющих у меня, наконец, у Ильи Чавчавадзе, в редактируемом им журнале «Иверия» (за 1884 г. № 7/8). Из современных писателей упоминается он у А. Белнашвили в романе «Бесики», у Г. Кикодзе в «Ираклии втором».

Своим производством в мунши Гургин обязан дипломатическому искусству, когда приходилось улаживать долго длившиеся конфликты не только с такими крупными соседями, как Турция и Персия, но и с отдельными владетельными ханами Азербайджана.

Мунши Гургин получил прозвище Энаколопи (что соответствует русскому «зла-тоуст», армянскому — «воски беран», ставшее затем фамилией в его роде). Его и упоминает в своем стихотворении «Между двух селений» прославленный ашуг Саят-Нова.

⁴ Газ. «Кавказ», 1851, № 26.

⁵ «Жизнь и завещание Иссе Бараташвили». Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 28, 1950, Тбл., Изд. АН Грузии, стр. 78, 86. Составил Авт. Иоселани (на грузинск. яз.).

⁶ Центральный Государственный архив Грузии, ф. 213, д. 133, л. 1.

⁷ Д. Пурцеладзе, Грузинские крестьянские грамоты..., Тифл., 1882, стр. 26.

⁸ Архив Академии наук, ф. 1, оп. 3, № 74, л. 36—39.

В круг обязанностей Гургина как дипломата, помимо сношении с отдельными ханствами Азербайджана, входило и наблюдение за действиями владетельных ханов Ганджи и Эривани, признавших свою зависимость от Ираклия II и плативших ему дань — а также сношения с Эчмиадзинским престолом.

Взаимоотношения Ираклия с Эриванским сардаром установились во время правления Персией Керим-ханом, объявившего себя в 1748 г. векилом⁹. За услугу, оказанную Ираклием, когда он разгромил, взял в плен и доставил Керим-хану влиятельного тогда Азад-хана Авгана, боровшегося с Керимом за верховную власть в Персии, он получил особую его признательность и расположение¹⁰. С тех пор Эриванский сардар вынужден был признать себя зависимым от Ираклия и стал платить ему дань.

В грузинских хрониках и в «Истории Грузии» М. Броссе приводится любопытный факт: после смерти сардара Гуссейн-Али-хана (1783 г.), имея полномочия царя, мирза Гургин ездил в Эривань для возведения нового сардара на престол, куда был назначен сын покойного — Мамед, которого царь Ираклий вскоре утвердил там¹¹.

За время нахождения Эриванского ханства в вассальной зависимости от Грузии оттуда периодически переселялись в Грузию группами жители Эривани. Прибывшие находили пристанище и уют не только в Тбилиси, но и в Сигнахе, Гори и других городах.

В Тбилиси им была отведена старая часть города — Авлабар, остававшаяся долгие годы малозаселенной из-за частых набегов лезгин. Состоявшееся соглашение Ираклия II с Омма-ханом Аварским (тестем Ибрагим-хана Карабахского — союзника Ираклия) сделало Авлабар неопасным для жилья и способствовало быстрому его заселению.

Из выселяемых из Эриванского ханства армян мирза Гургин и сын его мирза Априам образовали целое поселение, смежное с Авлабаром, названное в их честь «Мирзабадом». Так оно и значилось на планах г. Тбилиси вплоть до 1850 года. В настоящее время это место, входящее в черту города, сохранило старое название имевших там улиц, это 1, 2 и 3-ья улицы Долабаури, что означает — большой жернов.

Из биографии Саят-Новы нам известно, что мать его была из Авлабара. Это в какой-то степени говорит об общности интересов как мирзы Гургина, так и Саят-Новы, не говоря уже про общую склонность их к литературе. Политический горизонт страны к тому времени ничем не омрачался, наоборот, состояние Картли-Кахетинского царства при Ираклии II настолько упрочилось, что стало известным даже Фридриху II, Екатерине II (из переписки с Вольтером), Лессингу. Этому во многом способствовала большая оживленная торговля не только с народами, жившими по соседству, но и с Россией, Персией и далекой Индией. В Тбилиси шли караванным путем дорогие товары; в свою очередь Тбилиси вывозил за границу собственную продукцию. Город имел большое количество мастерских и красилен. Обширный район города занимали армяне и частично азербайджанцы, в руках которых сосредоточилась торговля и кустарное производство; грузинское городское население было малочисленно. Состояние образованности в тогдашней Грузии переживало сильный культурный подъем; особенно это сказалось на изящной литературе, в частности, в ее новых жанрах — описаниях путешествий, мемуарах, исторических записках. Большое распространение получила переводная литература — как европейская, так и восточная, — с внесением элементов современности; наряду с переводами Вольтера, Монтескье, Расина появились Ростопчины — близкое к оригиналу воспроизведение «Шах-намэ», Халила и Дамана (Анвари Сохейли), героическая повесть Караманшаш, Лейла и Меджнун и др., — тематика которых была ближе к духу местных жителей.

Судя по сохранившимся оригиналам литературного наследия Саят-Новы, большинство своих песен он писал на азербайджанском языке. Это объясняется не только наличием в ту пору в городе в достаточном количестве азербайджанцев, но и широким распространением тогда азербайджанского языка.

⁹ А. Бакиханов, Гюлистан-Ирам, Баку, 1925, стр. 135.

¹⁰ П. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа, ч. I, СПб, 1869, стр. 246.

О ценности библиотеки мунши Гургина повествует один примечательный документ. В результате взятия Тбилиси шахскими войсками в 1795 году, когда город был отлан на «милость» победителя, ничего ценного не сохранилось, все было уничтожено, расхищено. Не избежал этой участи и великолепный дворец царя. Со всем имуществом пострадала и библиотека Гургина. Основная часть ее погибла, но лучшие книги в числе трофеев попали в Тегеран, а оттуда во дворец шаха. Очевидно ценность библиотеки Гургина была известна и в Персии. Желая во время погрома отстоять имущество, мирза Априам остался в городе, но был схвачен и уведен в Персию, откуда ему, спустя некоторое время, удалось бежать.

Осенью 1832 г. мирзе Априаму Ениколопову, состоявшему на службе в Дипломатической канцелярии правителя Грузии, как главному переводчику в чине полковника, было предложено возглавить депутацию в Персию, куда он с подарками и выехал¹². Он был любезно принят шахом, получил подарки и фирман, где, как преемник Гургина, был назван ханом. В числе подарков было и несколько книг, похищенных из библиотеки его отца. В одной из них — стихи и проза персидских литераторов и поэтов. Она хранит любопытную приписку, повествующую о ее участи. «Она из числа тех книг, которые были собраны в библиотеке высокопоставленного потомка величайших и благороднейших мирзы Гургина, визиря, направляющего мероприятия страны Грузии». «Эта благородная рукопись попала в руки одного вонителя за веру из войска. Он подарил ее покойному прошенному мирзе Асадаллаху... (далее следует наименование дальнейших ее владельцев и удостоверение о ее нахождении во дворце шаха (перевод с персидского проф. В. Кушева).

Из приведенного факта о вручении шахом мирзе Априаму книг, куда входила и рукопись поэмы Руставели, можно судить о богатстве библиотеки его отца, каковой надо полагать, пользовался Саят-Нова, принимая во внимание их отношения.

В сохранившемся в Центральном Государственном Архиве Грузии, в «деле» (ф. 16, л. 6) — «О мирзе Раби и мирзе Априаме», служивших при Ираклии, и продолжавших свою дипломатическую деятельность во время русского владычества на Кавказе, хорошо представлена деятельность каждого из них. Они явились как бы продолжателями дела, затеянного мирзой Гургином.

Из прошения мирзы Раби усматривается, что «ереванских жителей-армян, живущих на Авлабаре, я, мирза Раби, своими трудами привел из г. Эривани, и при них моуравство царь пожаловал мне, о чем имею я грамоту. Из сих самих ереванских жителей царь пожаловал мне двадцать дворов крестьян».

Что касается мирзы Априама, сына мунши Гургина, то хорошо представлена вся его плодотворная деятельность на этом поприще, и это засвидетельствовано именитыми людьми Грузии.

И в дальнейшем жители Еревана становились поселенцами Тбилиси. Это произошло в результате неудавшегося похода генерала Цицнанова на Эривань; тогда ему пришлось бросить блокаду крепости и вернуться ни с чем; помогавшие ему армяне, боясь наказания со стороны персов, последовали за его войском и поселились на отведенных им местах Грузии. Мунши Гургин скончался в 1786 г., оставив 6 сыновей и двух дочерей. Один из его сыновей — Манучар, будучи плененным в результате неудачного похода генерала Цицнанова на Эривань, с годами стал чуть или не самым влиятельным человеком в Персии, получил звание музтемид — уд-довле, был представителем шаха при заключении мирного договора с Россией в Туркманчае. В тревожный день нападения на русскую миссию, фанатично настроенной массы народа, Манучар-хан, желая выручить Грибоедова, послал своего племянника Соломона Меликова к нему на помощь, но и он стал жертвой толпы; это известие убило мать Манучара, к тому времени прибывшую из Тифлиса. Спустя некоторое время, Манучар-хан снарядил процессию из трех гробов и послал через границу¹³. Прах Грибоедова проследовал до Тифлиса, тела же Воски-хатун и ее внука С. Меликова погребены были в ограде

¹² Центральный Государственный Архив Грузии, ф. 11, оп. 1, № 194.

¹³ Г. Шермания, О кончине Грибоедова, «Русская старина», 1901, № 10.

церкви св. Гаяне. Пространная эпитафия на плите Воски-хатун Ениколопянц—жены Гургин-хана, про которого говорится, что он «нахарар грузинских царей», свидетельствует об этом трагичном событии.

Столь поэтично сложившаяся легенда о последних минутах великого ашуга в траурные дни взятия Тифлиса персидскими полчищами, подтвержденная такими авторитетами, как Геворг Ахвердян и генерал Кишмишев¹⁴, имевшими возможность слышать ее от своих родителей—потомственных мокалаков Тбилиси, живых свидетелей погрома,—в наше время некоторыми исследователями стала отвергаться¹⁵.

Чем было вызвано такое попирание истинного происшествия? Оказывается, в монастыре, где проводил последние свои годы Саят-Нова, среди бумаг начала 1800-х г. упоминалось что Саят-Нова значится там в то время. Но эти исследователи какой-либо существующий исконный обычай называть способных последователей какой-либо знаменитости ее именем. Так это могло случиться и с Саят-Новой, имя которого передали какому-то способному человеку, подававшему надежды своим мастерством обладать качествами великого ашуга. Даже в наше время такой обычай не позабыть. Поэт народных чувств и дум, слагавший свои радостные песни о любви и человеческом достоинстве на простом, доступном каждому языке, сейчас, еще более нам созвучен, как певец, вознесший поэзию ашугов на недосигаемую до него высоту,—и как великий поэт, и как яркий проповедник дружбы народов.

ԳՈՒՐԳԵՆ-ԽԱՆԸ և ՍԱՅԱԹ-ՆՈՎԱՆ

Ի. Կ. ԵՆԻԿՈԼՈՓՈՎ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Սայաթ-նովան իր խազերից մեկում հորչորովում է իրրև Գուրգեն-խանի ծառա: Բանաստեղծի գիտական կենսագրությունն ուսումնասիրելիս անհրաժեշտ է ճշակ հիշյալ Գուրգեն-խանի ինքնությունը: Բանասիրական գրականության մեջ եղել են զանազան վարկածներ: Հեղինակի կարծիքով՝ խոսքը վերաբերում է վրաց արքունիքի նախաժողովրդականացման և զինված Միրզա Գուրգեն (Գուրգին) ենթկույտությանը:

¹⁴ С. Кишмишев, Походы Надир-шаха, Тифл., 1889, стр. 276.

¹⁵ Л. Меликсет-бегің, Саятновас անոբա, Тифл., 1930, стр. 138 (на грузинск. яз.).